

Вернуть честное имя

Недавно, спустя почти 20 лет после принятия, отменено решение об исключении из Союза писателей СССР Александра Исаевича Солженицына. Секретариат СП СССР поручил писателям — народным депутатам СССР поставить перед Верховным Советом СССР и вопрос об отмене Указа, по которому Солженицын был лишен 12 февраля 1974 года советского гражданства.

Писателю возвращается честное имя. Возвращаются на Родину и его произведения. До конца года в журнале «Новый мир» увидит свет «Архипелаг ГУЛАГ». А будущий год обещает стать «годом Солженицына».

В том же «Новом мире» должны появиться романы «В круге первом» и «Раковый корпус». «Звезда» собирает публиковать роман «Август Четырнадцатого», а «Нева» — «Март Семнадцатого». Любопытно, что о намерении печатать «Август Четырнадцатого» объявил и журнал «Дружба народов», в редакционном портфеле которого помимо этого еще и киносценарий Солженицына «Знают истину танки». Наверняка, будут и другие публикации.

Можно принимать или не принимать Солженицына, можно спорить с ним. Но не знать его книг русскому читателю нельзя.

Солженицын предвосхитил перестройку, и я считаю, что «Архипелаг ГУЛАГ» должен быть обязательно напечатан в Советском Союзе. В то же время я враждебен по отношению к некоторым позднейшим выступлениям Солженицына. Наверное, это объясняется тем, что Солженицын — моралист. Он дает всем указания как надо жить, а же принадлежит к другой категории писателей. Наши разочарования выявились особенно отчетливо после публикации большой статьи Солженицына «Наши плюралисты», где в сущности он запретил нам быть плюралистами и объявил, что плюралисты — это на самом деле просто русофобы,

и определил основную опасность, мировую опасность — это русофобия, которой заражен и Запад, которой заражена и русская интеллигенция, и, в том числе, диссиденты. То есть он выделил идею врага, национального врага, который хотел бы, как Солженицын говорит, «избирательно» уничтожить русский народ. Я думаю, что таких русофобов нет или почти нет. Не думаю, что Запад заражен русофобией. А национальная русская идея, еще подкрепленная мотивом «национального врага», какого-то всеобъемлющего и всепроникающего — мне кажется, это вариация враждебного классового окружения, которым долго промышляла

советская идеология. Эта вариация «врага народа», как всегда это бывает, очень опасное, тем более для российской идеологии российской мысли, которая склонна к экстремальным решениям.

Солженицын говорит: истина одна, истина Бонья, поэтому должна быть и истина в трактовке истории. Я согласен, что истина — Бонья, но думаю, что истина у людей могут быть разные пути к этой единственной истине и нельзя закрывать им дорогу.

Андрей СИНЯВСКИЙ.
(Из интервью ленинградскому телевидению, июнь 1989 г.)

«Молюсь за Вас...»

ЯШИН И СОЛЖЕНИЦЫН — ПОСЛЕДНЯЯ ДРУЖБА.

встал, думая, что сейчас можно уже зайти...

— Он умер, — сказала мама.

Оба писателя перекрестились: «Царство ему небесное!».

— Вот это я написал ему, — Солженицын передал листок маме.

— Как он вас звал все дни, как ждал, — с сожалением сказала мама.

Они вошли в палату. За изголовьем кровати, где лежал Александр Яшин, — пять минут назад живой, — за окном, далеко, была видна церковь Вознесения в Коломенском. Мама, стоя у кровати, от усталости, от потрясения стала падать. Солженицын подхватил ее и сказал, глядя на Яшина: «Смотрите, как успокаивается лицо». Так они втроем стояли рядом с умершим и рождающимся человеком. Это было 11 июля, а 9 июля в дневнике отца почти последняя запись: «...Одна часть памяти золотая, другая серебряная. Все во мне из двух частей: одна старая, дру-

гая — молодая. Два человека во мне. Крыльцо большое резное, стоит один человек старый, другой молодой — эти два человека контрастируют, но не противостоят друг другу. Один накопил мудрость. А другой еще только в начале этого накопления...».

А письмо Солженицына

11.7.68.

Дорогой Александр Яковлевич!

Не было меня в Москве, а теперь я поздно пришел: Вы без сознания, и меня не смогли к Вам допустить.

Я надеюсь все-таки, что Вы прочтете это письмо.

Знаю, я этот колодец, сам в нем был. Но все-таки неба кусочек оттуда видел, и даже еще ясней, резче, чем из рассеянного просторного мира.

Сказали мне, что именно это зрение у Вас сейчас и обострилось. Я душевно этому рад. Для обоих выходов из болезни это нужно, и даже трудно сказать, для какого больше. С

возрастом трудно сказать для какого больше. С возрастом ощущаю все менее ценным то, за чем мы гонялись, все более дорогим — духовное зрение.

Из окна Вашей палаты видна одна из самых дорогих русскому сердцу церквей. Я вижу ее и из коридора, в котором пишу. Она вытянута к небу и напоминает нам о том разврате,

для которого только и дана нам земная жизнь, да не всегда мы успеваем ее пройти. Но никакое прозрение здесь не поздно никогда.

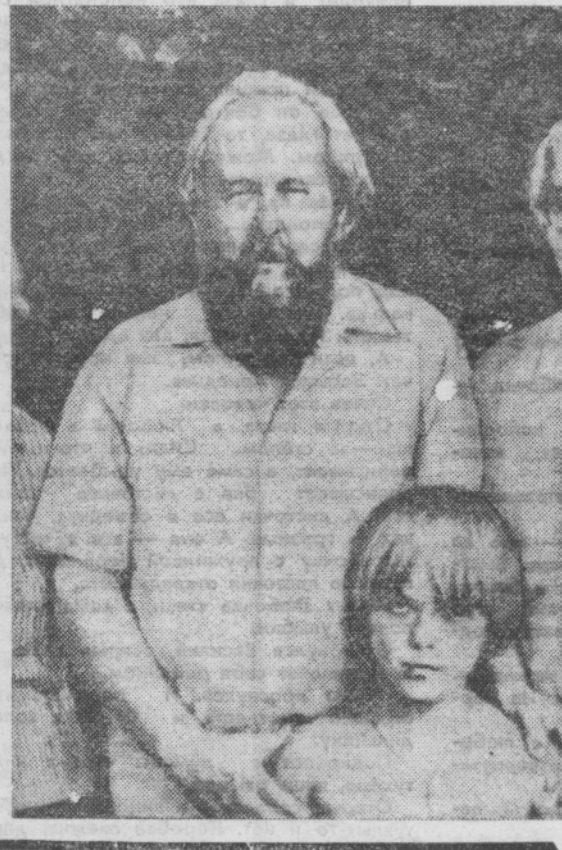
Я молюсь за Вас и дружески Вас обнимаю.

Автор «Рычагов» навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что повернули.

Искренне Ваш.

А. Солженицын.
Наталья ЯШИНА.

ОТ РЕДАКЦИИ: эта публикация — отрывок из воспоминаний Натальи Александровны Яшиной. Они появились в июльском номере журнала «Север».

Последнее время Яшин звал Солженицына. Он и раньше встречал его, но теперь особенно хотел увидеть. Одна из записей в дневнике от 21/XI-67 г. рассказывает о встрече: «Был в «Новом мире»... Виделся с Солженицыным. Он сказал, «Александр Яковлевич, я никак не выбьюсь из дефицита времени, но обязательно найдем часок, посидим. У меня есть все ваши телефоны... Стретьемся». — «Я терпеливый, подожду. К тому же, — «у нас в запасе вечность».

А вот из последних записей в его тетради 1968-го года: «У единственного человека (АИС) полная расслабленность творчества».

И Александр Исаевич пришел. Он сидел вместе с одним писателем в коридоре на той же скамейке, на которой недавно ждали мама и Мария Вениаминовна. Он писал письмо Яшину. Бежали врачи, сестры, посетители не пускали в палату. Потом к ним вышла мама. Солженицын